

ДИАНА МАШКОВА
РОМАН АВДЕЕВ

КАРАВАН
СЧАСТЛИВЫХ
ИСТОРИЙ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
МЗ8

Художественное оформление серии *С. Власова*

Машкова, Диана.

МЗ8 Караван счастливых историй / Диана Машкова, Роман Авдеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Дела семейные. Проза Д. Машковой).

ISBN 978-5-699-85287-1 (Оф. 1)

ISBN 978-5-699-89869-5 (Оф. 2)

В нашем обществе до сих пор много мифов, предрассудков, страхов, ложных ожиданий, которые связаны с детьми-сиротами. Они мешают усыновлению. Решиться принять ребенка в семью становится невероятно сложно.

Книга «Караван счастливых историй» — это реальные истории приемных семей. Истории о людях, которые прошли через многие трудности, проделали долгий путь и до сих пор каждый день занимаются подчас невероятно тяжелой, но бесценной для детей и всего нашего общества работой. Рассказы семей помогут избавиться от многих мифов и подготовиться к важному решению — принятию ребенка в семью.

Авторы уверены: в сложном вопросе создания семьи важно знать, что ты не один, не исключение из правил, вокруг много людей, которые стали или скоро станут усыновителями.

Книга создана в рамках программы благотворительного фонда «Арифметика добра» Клуба «Азбука приемной семьи».

a-dobra.ru

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-699-85287-1 (Оф. 1)
ISBN 978-5-699-89869-5 (Оф. 2)**

**© Машкова Д., Авдеев Р., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как это ни парадоксально звучит, но в нашем обществе до сих пор не хватает прежде всего информации о детях-сиротах и их жизни в детских домах. Поэтому очень часто возникают ложные и надуманные суждения. Есть широко разрекламированные детали, которые имеют ничтожное значение, и в то же время есть действительно важные вещи, на которые просто не обращают внимания. Именно поэтому одной из главных задач в решении проблемы сиротства я считаю просвещение.

Люди зачастую многого не понимают. Не нужно далеко ходить — прежде всего я сам ничего не знал, во многом заблуждался. То, как я себе представлял жизнь сирот, и то, с чем столкнулся на самом деле, — это совершенно разные вещи, ничего общего между собой они не имеют. Мне, конечно, всегда казалось, что детский дом — это неправильно, я был далек от того, чтобы считать нормой жизнь ребенка вне семьи. Но вот что именно там неправильно, я не понимал. И потом, по мере столкновения с реальными жизненными ситуациями очень остро переживал эти открытия. Все оказалось совсем по-другому, одновременно и сложнее, и проще.

Я уже не раз рассказывал историю про сахар, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда я помогал детским домам, это было в 90-х, то старался не просто

приехать, что-то привезти, но и пообщаться с воспитанниками. В те годы в прессе почему-то было очень много статей о том, что в детских домах работают люди, лишённые чело- веколюбия и гуманности. Писали, что сотрудники не любят детей, заведомо плохо к ним относятся. Наверное, в реаль- ности бывает по-разному, но в тех домах, куда ездил я, ра- ботали фанаты своего дела. Люди трудились прежде всего за идею, а не за деньги и искренне заботились о детях, стреми- лись им помочь. Проблема была в другом — сама обстановка учреждения, сама система, изменить которую они не могли, оказывала на детей патологическое воздействие.

И вот как-то в очередной раз я приехал, пообщался с воспитателями, потом начал беседовать с двумя девочками- воспитанницами. Они поначалу были очень зажаты, совер- шенно не расположены к разговору — приехал тут какой-то начальник, очередной чужой дядя. Ну и я, чтобы как-то раз- рядить обстановку, предложил: «Девочки, давайте чаю попь- ем». Они меня повели в столовую. И мы сели за стол, на ко- тором стоит чайник. А сахарницы нет, и я спрашиваю: «А где у вас тут сахар?» И они мне в ответ: «А что это такое?» Пер- вая мысль, конечно, о том, что крадут и у детей даже сахара нет. Но все оказалось намного проще. Сахар есть, причем в достатке. Его просто кладут сразу в чайник и размешивают, чтобы никто не рассыпал по столу, не возил туда-сюда лож- кой. То же с хлебом — он всегда нарезан. То же с обедом — он всегда вовремя на столе. То же со многими другими блага- ми, которые для детей в детском доме являются словно бы из ниоткуда. Вот из таких мелочей у детей-сирот складывается ложное представление о том, как устроен мир. И именно это представление способно погубить их будущее. Выпускники детских домов выходят во взрослую жизнь и словно попа- дают на Землю с другой планеты. Они не представляют, что и откуда берется. Казалось бы, мелочи — сахар, хлеб, но в

совокупности с другими подобными вещами они оказывают фатальное воздействие на формирование детей-сирот. А раньше я о таких вещах даже подумать не мог.

Кстати, потом вдруг история с сахаром повторилась у меня дома. Дети пошли в школу, по утрам стало довольно напряженно — сразу всех надо собрать, накормить, и няньки для того, чтобы сэкономить время, чтобы дети не рассыпали ничего по столу в самый ответственный момент, тоже стали заранее класть сахар в чай. Помню, я на это сразу как-то очень остро прореагировал, и все прекратилось. Но, когда подобное происходит дома и несистемно, ни к чему фатальному это не приведет. Рано или поздно ребенок все равно сам возьмет сахар, сам нальет себе чаю и положит столько ложек, сколько ему надо. А вот в детском доме такой возможности нет, там сладкий чай — это данность и элемент системы.

В таких деталях кроется первая часть вопроса о жизни детей-сирот. А вторая часть — это наше отношение к воспитанникам детских домов, наше восприятие «других», «непохожих», тех, кого мы предпочитаем не замечать.

Даже несмотря на то что в последнее время о детях-сиротах стали много говорить, начали освещать эту тему, чего в принципе не было в Советском Союзе, все равно обществу легче делать вид, что сирот не существует. И это очень болезненный вопрос, поскольку, пока мы не научимся их замечать, пока в эту тему не будет вовлечено огромное количество людей, точнее, подавляющее большинство, проблема не будет решаться никак. Даже в ситуации, когда государство оказывает значительное влияние, тратит огромные деньги на решение проблемы, ничего не меняется, если само общество остается в стороне. Вопрос уже не в деньгах, а в нас с вами. Вопрос в том, как мы собираемся с этим жить и что именно можем сделать. Каждый должен ответить себе на

него. И, может быть, я слишком идеалистически настроен, но я верю, а точнее, твердо знаю: если общество начнет обращать больше внимания на проблему сиротства, ее просто не станет.

В этой книге вы найдете реальные истории людей, которые уже встретились лицом к лицу с детскими домами и приняли сирот в свои семьи. Каждый из этих людей ответил для себя на вопрос: «Что именно я могу сделать?» И каждый играет сегодня очень заметную роль в процессе просвещения, о котором я говорил в самом начале. Истории семей, на мой взгляд, необязательно должны заканчиваться «хеппи-эндом», гораздо важнее другое — они должны быть невыдуманными и абсолютно реальными. Только так мы сможем рассказать о настоящем положении дел и донести правду до тех, кто пока еще не сталкивался с жизнями и судьбами детей-сирот.

Я сам, разумеется, не скрываю того, что у меня усыновленные дети. Часто беседую с людьми, они меня о многом спрашивают. И так получилось, что некоторых своих знакомых я от усыновления уже отговорил. По той простой причине, что люди оказались не готовы: они не представляют себе реального положения вещей. Возможно, понадобится не одна книга, не один год и очень серьезное погружение в тему, прежде чем у них наступит готовность принять ребенка-сироту и разделить с ним жизнь. А может быть, этого так и не произойдет. И очень хорошо, если люди вовремя это осознают! Когда семьи берут детей, не понимая до конца, на что именно они идут, в результате нередко возникает единственный выход — отказаться, вернуть. А это катастрофа. И происходит она прежде всего от непонимания реального положения вещей, незнания действительной ситуации. Намного лучше, когда потенциальные родители трезво оценивают свои возможности и говорят: «Я не могу пока принять ребенка в свою

семью». При этом они могут совершать какие-то другие хорошие и важные поступки.

Я далек от того, чтобы давать людям советы. Человек всегда сам для себя может решить, какой именно будет его помощь. Я также прекрасно понимаю, что совершенно бессмысленно утверждать: «помогать должны абсолютно все». Мне чужды подобные призывы. Но если у человека открывается сердце и он испытывает потребность поддерживать кого-то, необязательно именно ребенка-сироту, то это уже очень сильно меняет и самого человека, и наше общество в целом. Задумавшись, он обязательно найдет для себя именно то доброе дело, которое ему по душе и по плечу. Всегда нужна помощь семьям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, материальная поддержка матерей-одиночек, многодетных семей — это именно та работа по профилактике сиротства, которая не позволяет детям терять свои семьи и оказываться в детских домах. Конечно, прежде чем приступить непосредственно к действию, нужно обратить самое пристальное внимание на реальную ситуацию, многое прочитать, увидеть, понять. Нередко, например, в детские дома идут с «помощью» в виде праздников, дорогих подарков, угощений, не задумываясь о том, что такое разовое вмешательство детям только вредит. Нужно понимать истинные потребности ребенка-сироты, знать особенности его жизни и быть готовыми идти в эту тему всерьез и надолго, чтобы стать значимым взрослым, а не пробежавшим мимо волонтером. Тогда это действительно принесет пользу. Но, повторюсь, каждый делает выбор для себя, руководствуясь тем, что исходит из сердца и от души. Здесь у каждого может быть только свой путь.

Для меня, например, новым этапом помощи детям стало основание благотворительного фонда «Арифметика добра». Я пришел к этому через опыт поддержки детских домов в ре-

зультате усыновления 17 детей. Помощь в моем случае всегда была вопросом действия, так же произошло и с фондом. Причем довольно случайно.

В один из очередных своих дней рождения, которые я стараюсь не отмечать и обычно отключаю телефон, я вынужден был остаться на связи. Почему не отмечаю? Считаю, что это прежде всего праздник моих родителей, а моей собственной заслуги в том, что я появился на свет, в принципе нет. Поэтому и поздравлял всегда маму с папой, звонил им утром, а потом выходил из эфира. Проводил день с женой и детьми. Но вот два года назад на свой день рождения я не смог отключить телефон из-за сделки, которую мы в тот день проводили. В итоге все звонили, поздравляли, а я вдруг подумал, что давно уже взрослый человек, а прячусь, как мальчишка. И решил, что, наоборот, надо всех пригласить и сделать это с конкретной целью. Тема сиротства не оставляла меня никогда по одной простой причине: этим детям, кроме нас, больше некому помочь. Дальше выяснилось, что, для того чтобы собраться в таком формате и устроить праздник, посвященный благому делу, нужен фонд. Первоначально у меня была идея распределить деньги, которые будут пожертвованы на празднике, по каким-то другим фондам. А потом я понял, что если уж отвечаю за идею, то и ответственность за ее реализацию нужно полностью брать на себя. Мы зарегистрировали фонд, провели мероприятие, и люди откликнулись.

Оказалось, что я очень долго шел именно к этому. Всегда понимал, что в части сиротства в благотворительной сфере нужно ставить перед собой самые амбициозные задачи и менять ситуацию системно. Действовать через изменение мировоззрения общества, через просвещение, через привлечение людей к этой проблеме и их объединение. Кстати, название фонда тоже возникло случайно, само по себе.

В добре, в благотворительности заложена совершенно особая арифметика, не математическая. Здесь $1 + 1$ – это не 2, это гораздо больше.

Для меня создание фонда – это попытка вовлечь людей в решение проблемы сиротства. И чем больше добрых дел мы делаем все вместе, тем больше положительной энергии возникает вокруг нас, в целом мире. И тем счастливее становимся мы сами.

*Роман Авдеев, основатель фонда «Арифметика добра»,
отец 23 детей, в том числе 17 приемных*

СЕМЬЯ САЛТЕЕВЫХ-МАШКОВЫХ

МОЯ СЕСТРЕНКА! БЕРЕМ И БЕЖИМ!

Диана Машкова, руководитель клуба «Азбука приемной семьи» фонда «Арифметика добра», писатель, журналист, мама четверых детей, трое из которых приемные.

Первый приемный ребенок появился в нашей семье в 2013 году. К тому времени мы с Денисом были женаты уже 17 лет, а кровной дочке Нэлле исполнилось 14. К усыновлению мы готовились долго. Давным-давно решили для себя, что у нас обязательно будут приемные дети — понимали, что без семьи ребенку в нашем мире практически невозможно выжить. Но сделать первый шаг оказалось сложно. Мешали внутренние проблемы: страх не справиться, неуверенность в своих силах, банальные бытовые трудности — сначала нужно было самим повзрослеть, заработать на жизнь, обзавестись жильем, а потом уже принимать на себя ответственность за детей-сирот.

В 2002 году, после защиты кандидатской диссертации, я оставила работу преподавателя, за которую в то время платили неприлично мало, и мы с семьей переехали из Казани в Москву. Переезд оказался многоэтапным. Сначала перебралась я. Начала работать переводчиком у британ-

ских журналистов из Daily Telegraph, которые делали специальное приложение к газете об инвестиционной привлекательности России. Стала в день зарабатывать больше, чем мне платили за месяц работы в вузе. Сняла комнату. Через некоторое время следом за мной приехал в Москву Денис. Он, уже состоявшийся специалист, тоже легко нашел работу в своей сфере, в области телекоммуникаций. Еще через несколько месяцев мы смогли наконец снять квартиру и забрать Нэllu. Ей тогда было три годика. Со всеми этими переездами так вышло, что около полугода нам с ребенком пришлось жить в разных городах – мы в Москве, она в Казани, с бабушками-дедушками. Это был самый тяжелый период в нашей жизни. Конечно, мы с мужем ездили в Казань каждые выходные, но совместные субботы-воскресенья не заменяли полноценной семьи, да и прощания с ребенком каждую неделю убивали. Думаю, тот опыт разлуки стал дополнительным стимулом к тому, чтобы усыновить ребенка. Мы на собственной шкуре ощутили, насколько это противоестественно и болезненно, когда родители и дети не могут быть вместе. Мир маленького ребенка – это его мама и папа. Если значимых взрослых нет рядом, почва моментально вылетает из-под ног.

Прекрасно помню свою собственную детскую привязанность к маме. Стоило ей исчезнуть из поля зрения, как тут же появлялись тревога и страх. Из-за вынужденной разлуки с мамой – пусть всего лишь на день – я ненавидела детский сад. Всегда воспринимала это заведение как самое отвратительное место на Земле. Причина ненависти была еще и в том, что дети без родителей моментально превращались в безвольные объекты манипуляций взрослых. Воспитателям было неинтересно налаживать контакт с нами, искать подход, зато ничего не стоило прилюдно унижить, принудить, наказать. Конечно, не все малыши реагировали болезненно

на такое положение дел, кто-то и дома не знал другого обращения, но для меня подобное отношение взрослых было катастрофой. Когда мама приводила меня в группу, я вставала у входной двери, спиной к воспитателям и минимум до обеда лила слезы, кричала: «Мама Неля! Папа Вова!» Было по-настоящему больно оттого, что родители, зная, как я ненавижу детсад, снова оставили меня там. В три годика мне повезло — мама забеременела моим младшим братом, и, пользуясь тем, что ей теперь не нужно ходить на работу, я радостно забросила детский сад. После выхода из декрета мама стала все чаще брать меня с собой в институт, где преподавала химию. Вот там мне нравилось. Студенты со мной общались, лаборанты играли, преподаватели во время «окон» водили в столовую и институтский музей. Это была настоящая жизнь. А детский сад навсегда остался в памяти синонимом страха и ужаса. До сих пор не переношу организаций, в которых человек, не важно, большой или маленький, становится всего лишь объектом. Детский дом по своему укладу, по самой структуре — худшее из подобных учреждений. Там все прописано и продумано так, что ребенку остается только подчиняться. Нет значимого взрослого, ни с кем не возникает прочной привязанности, а вот воля, самостоятельность и собственные желания подавляются очень быстро. Семейный ребенок всегда может рассчитывать на понимание и защиту родителей, а сирота без мамы и папы со своими «капризами» не нужен никому. Он обязан быть абсолютно безволен, удобен в обращении, в противном случае система автоматически будет его ломать.

Первое столкновение с детским домом произошло в нашей семье в 2006 году. Мы с Денисом в компании моих коллег приехали туда как волонтеры на генеральную уборку. Детей на этот день куда-то увезли. Мы помыли окна, полы, стены, привели в порядок участок. Закончилось мероприятие